

Н.А. Коновалова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В обзоре рассматриваются основные подходы, преобладающие в научном и официальном дискурсе в США и России, к определению современного миропорядка и места России в нем. Констатируются сдвиги во внешней политике Кремля как на уровне тактики, так и при ранжировании национальных приоритетов. На основе сравнения имеющихся у России ресурсов и возникающих перед ней препятствий оценивается вероятность того, что в соответствии с российскими интересами сложится устойчивый «концерт держав», утвердятся принцип равной и неделимой безопасности, а Россия превратится в связующее транспортно-логистическое звено между Китаем и ЕС.

Ключевые слова: полицентричность, «концерт держав», центры силы, ревизионистские державы, национальные интересы, безопасность, Большая Евразия, поворот на Восток.

Коновалова Наталья Александровна – преподаватель
Национального исследовательского университета
«Высшая Школа Экономики», редактор рубрики «Европа»
сетевого издания «Politica Externa», г. Москва.
E-mail: nakonovalova_3@edu.hse.ru

N.A. Kononova. Foreign Policy of Russia in the Contemporary International System

Abstract. The article focuses on principal definitions of a contemporary world order and the place of Russia in it, which dominated in the U.S. and Russian academic and official discourses. The author describes shifts in the Russian foreign policy both in terms of tactics and the national priorities setting. Comparing resources of Russia and the existing obstacles, the author tries to forecast whether a long-lasting «concert of nations» and equal and inseparable security are likely to appear in accordance with the Kremlin's aspirations, Russia will become a connecting transport and logistics link between China and the EU. The author emphasizes the eventual opportunities for Russia to get various benefits, including the U.S. global presence downgrading and the growing worldwide demand for various goods provided by Russia.

Keywords: multipolarity, «concert of nations», centers of power, revisionist powers, national interests, security, Greater Eurasia, pivot to Asia.

**Kononova Natal'ja Aleksandrovna – the teacher
of the National Research University «Higher School of Economics»,
editor of the European section, online magazine «Politica Externa»,
Moscow. E-mail: nakonovalova_3@edu.hse.ru**

В настоящее время в мире ведутся оживленные дискуссии по поводу особенностей современного миропорядка, определяющего окно возможностей для проведения государствами, в том числе и Россией, своей внешней политики. Общим знаменателем в подобных обсуждениях является тот факт, что мировой порядок переживает трансформацию, а в международных отношениях нарастает неопределенность. Однако при описании протекающей эволюции мирового порядка нет единства мнений относительно ее конечной точки. В связи с этим представляется уместным рассмотреть несколько подходов к определению современного миропорядка в научном и официальном дискурсе в США и России.

Так, американский дипломат Р. Хаас полагает, что происходит переход от постбиполярного состояния, когда гегемония США опиралась на их реальный потенциал и благосклонно воспринималась «ведомыми» сторонами, к беспорядочному взаимодействию в условиях, когда уважение к американской политической и экономической модели снизилось, а возрастающее число игроков стали стремиться к большей автономии [11]. Иными словами, та организация международной системы, которая имела место после окончания холодной войны, отмирает, а на смену ей при отсутствии нового гегемона приходит не структурированный миропорядок, а, скорее, хаос.

В свою очередь теоретик международных отношений Дж. Айкенберри считает, что в ходе холодной войны и особенно после ее окончания стал складываться либеральный порядок, во главе которого находился единственный гегемон, хотя его доминирование и базировалось на многосторонних институтах [12, р. 450]. По мнению Дж. Айкенберри, на данный момент наблюдается не кризис принципов либерального порядка, а скорее в рамках либерального порядка обостряется конкуренция между государствами за место в глобальной иерархии, так что международная система превращается в «постгегемонистскую» [12, р. 451–452]. Очевидно, что в соответствии с представленным подходом капитальные сдвиги имеют место в большей степени на статусно-ролевом, чем на институциональном уровне.

Что касается взглядов политолога Дж. Ная-мл., его идеи во многом созвучны с позициями его американских коллег. Во-первых, как он утверждает, даже Китай, усиление которого многими специалистами воспринимается

в качестве главной угрозы либеральному порядку, «пытается не свергнуть нынешний порядок, а наращивать свое влияние в нем» [9]. Во-вторых, как и Р. Хаас, Дж. Най-мл. констатирует всё более выраженную автономизацию отдельных игроков и перераспределение влияния за счет правительств в пользу негосударственных акторов, так что сетевая организация негосударственных акторов постепенно вытесняет иерархическую, в которой существуют государства [там же]. Таким образом, обозначены сразу две тенденции эволюции мирового порядка: подъем Китая в рамках существующего мирового порядка и дополнение иерархических связей сетевыми при усилении влияния негосударственных акторов на мировые политические процессы.

В основополагающем российском внешнеполитическом документе – Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. (далее Концепция) – также отмечаются эти и другие тенденции. В частности, в Концепции указывается, что в результате усложнения структуры международных отношений полицентричная международная система; одновременно возникают новые центры влияния, а силовой потенциал смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион [6]. Согласно Концепции, при подобной конфигурации международной системы необходимо «коллективное лидерство ведущих государств», чтобы обеспечить управляемость и устойчивость мирового развития [там же]. По-видимому, речь идет о своеобразном «концерте держав», формирующих ядро глобального управления и опирающихся в своих действиях на нормы международного права.

Несколько иначе расставил акценты министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в своей речи на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г. Министр указал, что мир постепенно вступает в «пост-западную эру» многополярности, в которой все страны разделяют ответственность за поддержание мира и безопасности, а НАТО оказывается пережитком холодной войны [13]. При этом С.В. Лавров подчеркнул, что не появление новых центров силы влечет за собой упадок либерального порядка; напротив, его упадок был предопределен, поскольку он служил целям доминирования Запада, так что в настоящее время требуется более справедливая модель мира [7]. Таким образом, был обозначен как неизбежный разрыв с прежним миропорядком, так и контуры нового.

Российский политолог И.А. Истомин подробнее раскрывает свойства полицентричного мироустройства, тенденция к формированию которого сформулирована в Концепции, но в то же время констатирует, что это не свершившийся факт, а лишь желаемая модель. И.А. Истомин ставит знак равенства между концептами «полицентричность» и «концерт», из чего следует, что для полицентричной системы международных отношений характерна не только повышенная кооперативность, но и турбулентность [4, с. 22–23]. И.А. Истомин показывает, что в восприятии российского руководства поли-

центричный мировой порядок считается более справедливым и способным сдерживать гегемонистские притязания отдельных стран, чем все альтернативные модели мироустройства, хотя и признается, что он обладает дестабилизационным потенциалом [4, с. 23–24]. Итак, в процессе становления нового полицентричного миропорядка может нарастать и непредсказуемость в международных отношениях.

Ведущий отечественный специалист по Китаю А.В. Лукин также обнаруживает в постбиполярном мироустройстве предпосылки формирования «концерта держав». Во-первых, А.В. Лукин указывает, что и привлекательность, и объективные возможности западных стран снизились на фоне экономического и политического подъема незападных центров силы [14, р. 94]. Во-вторых, он обращает внимание на реакцию КНР, последовавшую после предложения З. Бжезинского в 2009 г. создать «большую двойку» в составе США и Китая: Пекин деликатно отклонил подобный проект, выдвинув взамен инициативу по построению «нового типа отношений между ведущими державами» [14, р. 102]. Получается, Китай не заинтересован ни в установлении гегемонии, ни в формировании биполярной структуры международных отношений, а считает более жизнеспособным «концерт держав» в том или ином виде, что повышает вероятность возникновения такой модели миропорядка.

При множестве трактовок эволюции мирового порядка, которые были приведены выше, сложно однозначно определить место России в мировой системе. Тем не менее наиболее взвешенным представляется подход коллектива ИМЭМО, который подразделяет центры силы на четыре уровня: во главе мировой иерархии расположились США, далее следуют экономически сопоставимые с ними Китай и Европейский союз, а третий и четвертый уровни занимают соответственно региональные лидеры и страны с более ограниченным влиянием на мировые процессы [цит. по: 4, с. 27]. Составители данной классификации поместили Россию между вторым и третьим уровнями, что отражает реальную дихотомию между возможностями РФ и ее позиционированием на международной арене: по своему экономическому и технологическому потенциалу Россия скорее относится к категории региональных государств, но ее ядерный статус, место постоянного члена в Совете Безопасности ООН и стремление участвовать в решении глобальных проблем позволяют причислить ее к ведущим мировым державам. Не случайно, рассуждая об эволюции внешней политики России, С.В. Лавров приводит высказывание философа И. Ильина о том, что статус великой державы зависит не столько от величины территории и количества населения, сколько от способности решать задачи международного масштаба [8].

Многими экспертами отмечается, что, несмотря на более скромные позиции России по сравнению, например, с США и Китаем, она остается важней-

шим игроком в международных отношениях. Как следует из аргументов академика РАН В.Г. Барановского, в условиях, когда ключевой осью мирового порядка оказываются взаимоотношения между Китаем и США, Россия может решающим образом влиять как на баланс между ними, так и на модальность их взаимодействия, которая будет варьироваться по линии соперничество-сотрудничество [1, с. 11]. Эта же мысль находит отражение и в Концепции, в которой постулируется роль РФ как «уравновешивающего фактора в международных делах» [6]. Таким образом, взгляд российского руководства и интеллектуальной элиты на место РФ в мире представляется целостным и взаимодополняющим: и теми, и другими развиваются идеи баланса сил между ведущими державами.

Подобная симфония мнений государственных лиц и отдельных аналитиков наблюдается и по поводу потенциального вклада России в мировое развитие. В своей программной статье С.В. Лавров намечает стратегическую цель РФ утвердиться в качестве «одного из ведущих центров силы», а также «поставщика ценностей развития, безопасности и стабильности» [8]. Министру вторит и бывший разведчик А.О. Безруков: с его точки зрения, Россия обладает уникальной способностью «создать безопасное пространство в полном опасностей мире» и предоставлять «суверенитетообразующие» услуги и технологии, в том числе в сфере логистики, защиты информационных и финансовых систем [3]. Следовательно, благодаря тому, что Россия традиционно отдавала приоритет вопросам безопасности и суверенитета в самом широком смысле, она может стать поставщиком этих крайне востребованных благ и для своих иностранных партнеров.

Однако существуют и пессимистичные оценки роли России в мире. Так, авторитетный политолог С.А. Караганов предостерегает, что в отсутствие внутренних трансформаций Россия может потерять свои позиции, как он оценивает, «третьей мировой державы» и остаться на периферии мировой политики даже несмотря на впечатляющие успехи российской дипломатии [5]. Еще более категоричен Р. Хаас: хотя он не исключает реваншистских шагов со стороны России, он считает российскую военную силу и «мягкую мощь» слишком ограниченными, чтобы на их основе Россия могла предложить миру такой продукт или идею, которые заинтересовали бы не только этнических русских [11]. Итак, при неблагоприятной внутренней ситуации и сокращении доступных ресурсов имеется вероятность скатывания России на периферийные роли в международной системе, так что страна не сможет оказывать желаемого влияния на глобальные процессы.

Стоит отметить, что попытки воздействия на глобальную расстановку сил посредством уже упоминавшейся реваншистской политики – одна из стратегий, которые нередко приписывают России. Более того, Р. Хаас на основе определения, данного теоретиком международных отношений Х. Буллому,

считает Россию «силой беспорядка», поскольку страна якобы отказалась интегрироваться в нынешний мировой и европейский порядок и в ходе украинского кризиса отвергла ряд международных правил и договоренностей [11]. Схожим образом и американский исследователь У. Мид относит Россию (наряду с Китаем и Ираном) к числу ревизионистских держав, способных подорвать влияние Запада и инициировать пересмотр статус-кво как в мировом масштабе, так и в регионах, где они выступают в качестве ведущих или по крайней мере значимых игроков [16]. Иначе говоря, многие зарубежные специалисты полагают, что Россия может играть на мировой арене дестабилизирующую роль и параллельно с некоторыми другими восходящими центрами силы противостоять коллективному Западу, который рассматривается скорее как сторонник существующего порядка.

Тем не менее Россия выбивается из общего ряда условных ревизионистов. Хотя в соответствии с характеристикой, выработанной С. Макфарлейн для восходящих держав, она и доминирует экономически и политически в своем регионе, стремится к глобальной роли и отчасти бросает вызов гегемонии США, Россия претендует на высокий статус не вследствие своего динамичного развития, как все прочие новые центры силы, а лишь пытается вернуть утраченные некогда позиции [15, р. 48]. Парадокс в российской внешней политике видит и В.Г. Барановский, выявивший, что Россия может выступать и в качестве нарушителя статус-кво, что особенно четко проявилось в присоединении Крыма, и в качестве блюстителя традиционных норм, что выражается в осуждении несанкционированных иностранных интервенций, и в качестве сторонника возрождения политических практик прошлых столетий, вроде раздела мира на сферы влияния [1, с. 14]. Итак, внешняя политика РФ лишь в некоторых эпизодах была направлена на изменение статус-кво; при этом Россия, обладая внешнеполитической гибкостью, нередко проявляет себя и как охранительно-консервативная держава.

Представляется, что Россия следует подобной тактике, исходя из оценки пределов и возможностей своей внешней политики. Так, в условиях антироссийских санкций эта дилемма, как ее обозначил Р. Хаас, состоит из ограниченных, проистекающих из экономической и политической взаимозависимости, и ресурсов, которые доступны России благодаря ее относительной самодостаточности [11]. По его мнению, самообеспеченность России зиждется, прежде всего, на энергетическом секторе, тогда как благодаря более скромным объемам внешней торговли и инвестиций (например, по сравнению с Китаем) взаимозависимость хоть и сдерживает Россию, но в меньшей степени, что позволяет стране проводить более решительный, если не реваншистский, внешнеполитический курс [там же]. Итак, обилие внутренних ресурсов и меньшая глобализованность российской экономики стали неким проти-

вовесом при возникновении такого сдерживающего фактора, как антироссийские санкции.

Тем не менее в условиях экономической и политической конфронтации с Западом снижение доступных ресурсов, помноженное на относительную неблагоприятность международной среды, постепенно привело к переоценке внешнеполитических приоритетов. В.Г. Барановский отмечает, что Россия всё больше руководствуется национальными интересами, в то время как проблемные аспекты любого другого уровня отходят на второй план [1, с. 6]. В связи с этим борьбу России с глобальными проблемами вроде терроризма и ведение боевых действий в Сирии (т.е. за пределами своего региона, под которым традиционно понимается постсоветское пространство) следует трактовать именно как необходимые меры для обеспечения жизненно важных интересов России, как то: безопасность в виде предотвращения экспорта исламизма в свой регион и разрастания зон нестабильности в сопредельных регионах. Таким образом, при сократившихся материальных и нематериальных возможностях в российской внешней политике сложилась определенная иерархия приоритетов, в которой первостепенное значение имеют национальные интересы; однако это не означает, что в процессе достижения ключевых целей Россия не может выходить за пределы своего традиционного регионального ареала.

Целесообразно подробнее остановиться на нематериальных факторах, которые могут создавать затруднения при проведении Россией внешней политики. В первую очередь выделяется формирование негативного образа страны и ее руководства в результате присоединения Крыма и продолжающегося конфликта на юго-востоке Украины. В ряде стран западного мира тиражируется образ России как агрессора, способного применить военную силу для отторжения части территории суверенного государства; как безответственного игрока международных отношений, срывающего мирный процесс и ведущего «гибридную войну»; как беспринципного манипулятора общественным мнением посредством информационной войны. Хотя многие обвинения являются не более, чем инсинуациями, приходится констатировать вслед за В.Г. Барановским, что Россия больше не располагает доверием большинства западных стран [1, с. 9]. Отныне ее действия ассоциируются с подрывом норм международного права и применением «двойных стандартов», против которых она рьяно выступала в прошлом.

Помимо фактора ресурсов и фактора имиджа, необходимо упомянуть и о тех ограничениях, которые диктуются России геополитикой. Так, А.О. Безруков выводит процветание России из безопасности и стабильности на евразийском континенте: стране, «зажатой центрами силы с запада и востока», требуется выход на рынок Большой Евразии, что достижимо лишь при наличии колоссальных инфраструктурных связей и бесперебойного развития всего

пространства [3]. Аналитик отводит России роль гаранта безопасности трансконтинентальных транспортных маршрутов, что, по его мнению, реализуемо с опорой на внушительный опыт страны в проведении миротворческих и спасательных операций, в институциональном строительстве в развивающихся странах, а также в координации действий игроков в рамках ШОС [там же]. Однако превращение России в «евразийского полицейского» маловероятно в обозримой перспективе, поскольку с возрастанием мощи ряда евразийских держав динамика в регионе может становиться всё более конкурентной, а менее влиятельные страны будут всё в возрастающей степени опасаться нарушений своего суверенитета. Иными словами, проведение российской внешней политики, нацеленной на поддержание стабильности и содействие развитию на евразийском пространстве, может осложняться возникновением целого ряда неблагоприятных тенденций.

Несмотря на возможные осложнения при реализации такого мегапроекта в Большой Евразии, регулирование кризисов за пределами своей территории и поставка технологий развития странам, которые в них нуждаются, несомненно, являются теми нишами, которые могла бы занять Россия в нынешних международных условиях. Помимо евразийского пространства, речь идет о странах, которые еще не «аффилированы» с теми или иными влиятельными центрами силы и которые настроены по отношению к России благожелательно или нейтрально. В связи с этим перспективными партнерами считаются государства в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, задел для плодотворного сотрудничества с которыми уже имеется, но его потенциал реализован не полностью.

Для России также открываются новые возможности в связи с избранием Д. Трампа на пост президента США и наметившейся коррекцией в стратегии американского глобального присутствия. Как полагает журналист А.Г. Баунов, постепенно в мире будет образовываться больше «пустот», где США перестанут быть доминирующим игроком [2]. Косвенным подтверждением подобной тенденции может считаться стремление дистанцироваться от Вашингтона, демонстрируемое Р. Дутерте, президентом Филиппин, являвшихся частью американской системы военных альянсов в Азии. Кроме того, всё большую самостоятельность проявляет Япония, что повышает шансы нормализации российско-японских отношений вплоть до заключения мирного договора. Важно понимать, что налаживание политического диалога сопровождается обсуждением совместных экономических проектов на островах Курильской гряды, интенсификации сотрудничества в энергетической сфере, а также в области сельского хозяйства, логистики, медицины, что представляется немаловажным в свете задач по развитию российского Дальнего Востока. Обнаруженные сдвиги подразумевают, что возможен прогресс в двусторонних отношениях России с рядом зарубежных партнеров в Азии,

которого не удавалось добиться при безапелляционном доминировании США на мировой арене.

Назревающие перемены в расстановке сил в Азии создают дополнительные возможности в ходе российского «поворота на Восток». Благодаря диверсификации связей с азиатскими партнерами удастся избежать асимметричной зависимости от растущего Китая, а подобные опасения регулярно высказываются в российском экспертном сообществе, и сделать выбор в пользу такой стратегии развития российского Дальнего Востока, которая окажется самой выгодной из числа доступных альтернатив. Более выигрышной позиция России при подобном «пристегивании» к Азиатско-Тихоокеанскому региону увеличит пространство для российского маневра и при воплощении в жизнь совместных с Китаем проектов на евразийском континенте. В перспективе может появиться возможность участвовать не только в продвигаемых КНР инициативах по сооружению транспортной инфраструктуры по линии «Восток–Запад» с ориентацией на европейский рынок, но привлечь его и к прокладке меридианальных транспортных артерий «Север–Юг» для подключения удаленных российских регионов к основным евразийским зонам роста.

Однако на данном этапе закономерно провести разграничительную линию между реальным и желаемым. Разумеется, план-максимум для России стать не только транспортным «мостом» между Европой и Азией, но и, по выражению А.О. Безрукова, «севером Большой Евразии» [3]. Однако продвижение в первом направлении наталкивается на ряд вызовов, а именно: опасения, что китайский мегапроект Экономического пояса Шёлкового пути, сопряжение которого с ЕАЭС было согласовано российским и китайским руководством, из геоэкономического превратится в геополитический; бесперспективность создания в нынешних политических условиях даже зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС, без чего сложно ожидать скачка торговли в Евразии; скромная экономическая база самого ЕАЭС по сравнению с ЕС и Китаем и незаинтересованность ряда стран объединения в продвижении к более глубокой интеграции. Что касается второго направления, чтобы стать «севером Большой Евразии» России требуется ускоренными темпами развивать сибирские и дальневосточные территории и сооружать меридианальные магистрали, что маловероятно в ближайшее десятилетие притом, что собственные ресурсы ограничены, а средства потенциальных партнеров направлены на реализацию более актуальных для них проектов.

Если даже в региональном масштабе экономическая неравнозначность ЕС и Китая, с одной стороны, и РФ – с другой, не позволяет рассчитывать на скорое формирование единого евразийского пространства при ключевой роли последней, то перспектива становления устойчивого «концерта держав» с неизменным участием России тем более относится к разряду скорее желаемого, нежели реального. Но, с точки зрения В.Г. Барановского, когда

у России есть рычаги воздействия в определенной ситуации и когда, по расчетам зарубежных стран, она не может воспользоваться ими для значимого повышения своего влияния, партнеры готовы локально подключить ее к «концерту» [1, с. 8]. Прецедентом такого принятия решений по принципу «концерта», в котором участвовала и Россия, можно назвать переговоры по ядерной проблеме Ирана в формате «Группы 5+1». В то же время действия держав по Сирии остаются разрозненными, что, по всей вероятности, связано с нежеланием Запада позволить России повысить свой статус и улучшить свой имидж за счет международно признанного позитивного вклада в урегулирование данного кризиса. Таким образом, Россия пока не стала участником стабильного «концерта держав», хотя есть прецедент ее привлечения к подобному формату.

Желаемое формирование «концерта», при котором ни одна влиятельная держава не исключена из процесса принятия ключевых с точки зрения международной безопасности решений, концептуально тесно связано с понятием равной и неделимой безопасности, которое красной нитью проходит через основополагающие внешнеполитические документы РФ. Однако реальному возникновению такой безопасности препятствуют как произвольные действия некоторых стран и объединений (вроде расширения НАТО, создающего разделительные линии в Европе), так и объективно зарождающийся мировой тренд на обособление региональных блоков. По прогнозу влиятельнейшего эксперта по международным отношениям Г. Киссинджера, в XXI в. в рамках международной системы будут сосуществовать несколько региональных порядков со своими нормами и движущими силами [цит. по: 10, с. 9]. В условиях когда универсальный консенсус недостижим, воплощение в жизнь концепта равной и неделимой безопасности представляется нереалистичным, тогда как основная задача игроков сведется к предотвращению масштабной войны и фрагментации ткани международных отношений до степени хаотизации.

Итак, современный миропорядок, по всей видимости, характеризуется относительным ослаблением США и перемещением «центра тяжести» в Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом при отсутствии нового гегемона и при подъеме незападных центров силы прослеживается тенденция к формированию полицентричности. В этих условиях Россия позиционирует себя в качестве «балансера» и «поставщика безопасности», что ставит ее в один ряд с ведущими мировыми державами, однако ее неустойчивое экономическое положение становится основанием, чтобы причислить ее лишь к числу только региональных держав. Подобная раздвоенность в международном статусе России позволила некоторым западным исследователям отнести ее к ревизионистским державам, хотя уместнее констатировать вариантность внешней политики страны.

Россия вынуждена проявлять подобную гибкость, чтобы реализовывать свои национальные интересы и пользоваться открывшимися возможностями несмотря на возникающие препятствия. Среди подобных осложнений выделяются материальные и имиджевые потери на фоне украинского кризиса и введения антироссийских санкций, зависимость развития страны от конъюнктуры на пространстве Большой Евразии и ограниченная готовность зарубежных партнеров участвовать в актуальных для страны проектах. Одновременно на другой чаше весов представлены такие преимущества, как относительная экономическая самодостаточность России, эффективность при реализации жизненно важных интересов, способность содействовать зарубежным партнерам в урегулировании кризисов и поставлять им технологии для нужд развития, сбалансированная стратегия по проведению «поворота на Восток». Однако на данный момент скорее нереалистичными представляются некоторые амбициозные цели России, вроде превращения в связующее транспортное звено в Евразии, закрепления в устойчивом «концерте держав», укоренения и универсализации концепта неделимой безопасности.

Библиография

1. Барановский В.Г. Новая внешняя политика России: Влияние на международную систему // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 7. С. 5–15.
2. Баунов А.Г. За пределом возможного // *Россия в глобальной политике*. 2017. № 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Za-predelom-vozmozhnogo-18647 (Дата обращения: 10.08.17.)
3. Безруков А.О. Спасти и сохранить // *Россия в глобальной политике*. 2017. № 1. URL: www.globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 (Дата обращения: 10.08.17.)
4. Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 5 (50). С. 20–33.
5. Караганов С.А. Переломный год: Предварительные итоги // *Россия в глобальной политике*. 2014. № 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/perelomnyi-god-predvaritelnye-itogi-17193 (Дата обращения: 10.08.17.)
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2016. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 10.08.17.)
7. Лавров выступил за установление «постзападного» порядка // *Международное французское радио RFI*. Париж, 2017. Эфир от 18 февр. URL: ru.rfi.fr/rossiya/20170218-lavrov-vystupil-za-ustanovlenie-postzapadnogo-mirovogo-poryadka (Дата обращения: 11.05.17.)
8. Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18019 (Дата обращения: 10.08.17.)
9. Най Дж. Уцелет ли либеральный миропорядок? // *Россия в глобальной политике*. 2017. № 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Ucleet-li-liberalnyi-miroporядok-18651 (Дата обращения: 10.08.17.)
10. Суслов Д.В. Мировое устройство: quo vadis? В поисках глобального Вестфалья // *Валдайские записки. Специальный выпуск*. 2016. 16 с.

11. Хаас Р. Разваливающийся миропорядок // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/razvalivayuschiiysya-miroporjadok-17194 (Дата обращения: 10.08.17.)
12. Ikenberry J.G. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. Vol. 16. N 3. P. 450–455.
13. Lavrov: «World is Clearly Entering the Post-Western Era» // Sputnik International. Moscow, 2017.09.03. URL: sptnkne.ws/dKeG (Дата обращения: 10.08.17.)
14. Lukin A. Russia in a Post-Bipolar World // Survival. L.: International Institute for Strategic Studies, 2016. Vol. 58. N 1. P. 91–112.
15. MacFarlane S.N. The «R» in BRICS: Is Russia an Emerging Power? // International Affairs. L.: Chatham House, the Royal Institute of International Affairs, 2006. Vol. 82. N 1. P. 41–57.
16. Mead W.R. The Return of Geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs. N.Y.: Council on Foreign Relations, 2014. Vol. 93. N 3. P. 68–79.

References

- Baranovskij V.G. Novaja vneshnaja politika Rossii: Vlijanie na mezhdunarodnuju sistemu // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. Vol. 60. N 7. P. 5–15.
- Baunov A.G. Za predelom vozmozhnogo // Rossiya v global'noj politike. 2017. N 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Za-predelom-vozmozhnogo-18647 (Дата обращения: 10.08.17.)
- Bezrukov A.O. Spasti-i sohranit' // Rossiya v global'noj politike. 2017. N 1. URL: www.globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 (Дата обращения: 10.08.17.)
- Haas R. Razvalivajushhijjsja miroporjadok // Rossiya v global'noj politike. 2014. N 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/razvalivayuschiiysya-miroporjadok-17194 (Дата обращения: 10.08.17.)
- Ikenberry J.G. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. Vol. 16. N 3. P. 450–455.
- Istomin I.A. Refleksija mezhdunarodnoj sistemy v oficial'nom diskurse i nauchnom osmyslenii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. N 5 (50). P. 20–33.
- Karaganov S.A. Perelomnyj god: predvaritel'nye itogi // Rossiya v global'noj politike. 2014. N 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/perelomnyi-god-predvaritelnye-itogi-17193 (Дата обращения: 10.08.17.)
- Koncepcija vneshej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny 30 Nov. 2016 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. 2016. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 10.08.17.)
- Lavrov S.V. Istoricheskaja perspektiva vneshej politiki Rossii // Rossiya v global'noj politike. 2016. N 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Istoricheskaja-perspektiva-vneshej-politiki-Rossii-18019 (Дата обращения: 10.08.17.)
- Lavrov vystupil za ustanovlenie «postzapadnogo» porjadka // Mezhdunarodnoe francuzskoe radio RFI. Parizh, 2017. Efir ot 18 Feb. URL: ru.rfi.fr/rossiya/20170218-lavrov-vystupil-za-ustanovlenie-postzapadnogo-mirovogo-poryadka (Дата обращения: 11.05.17.)
- Lavrov: «World is Clearly Entering the Post-Western Era» // Sputnik International. Moscow, 2017.09.03. URL: sptnkne.ws/dKeG (Дата обращения: 10.08.17.)
- Lukin A. Russia in a Post-Bipolar World // Survival. L.: International Institute for Strategic Studies, 2016. Vol. 58. N 1. P. 91–112.
- MacFarlane S.N. The «R» in BRICS: Is Russia an Emerging Power? // International Affairs. London: Chatham House, the Royal Institute of International Affairs, 2006. Vol. 82. N 1. P. 41–57.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Mead W.R. The Return of Geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs. N.Y.: Council on Foreign Relations, 2014. Vol. 93. N 3. P. 68–79.

Naj Dzh. Uceleet li liberal'nyj miroporjadok? // Rossiya v global'noj politike. 2017. N 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-18651 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Suslov D.V. Mirovoe ustrojstvo: quo vadis? V poiskah global'nogo Vestfalja // Valdajskie zapiski. Special'nyj vypusk. 2016. 16 p.